

УДК 81

ЗООМОРФНАЯ МОДЕЛЬ КАК ОСОБЕННОСТЬ ВЕРБАЛЬНОГО ОТРАЖЕНИЯ ОБЫДЕННОГО ПОЗНАНИЯ МИРА В СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЕ

Гукетлова Ф.Н.

Кабардино-Балкарский государственный университет, Нальчик, e-mail: bsk@kbsu.ru

В статье рассматриваются проблемы языковой и культурной специфики зооморфизмов, национальной специфики образного средства, как особого вида национальной стратегии для вербализации характеристических свойств человека, а также этноспецифические предупреждения, закрепленные зооморфным фондом языка. В данной статье ставятся вопросы национальной специфики выбора образного средства – человека в аниморфологических единицах, содержащих яркий, характерный, легко переосмысливаемый значимый признак поведения животного. Зооморфный код культуры, позволяющий выявить систему символов и эталонов национальной культуры, находящих отражение в ФЕ и в паремииологическом фонде языка, выявляет специфику мировосприятия носителей языка и культуры. Зооморфизмы, получая заряд эмоциональности, и образности, становятся широко употребляемыми в разных областях коммуникации. Однако зооморфные коды, стремясь к сохранению универсальных черт, отличаются национальным своеобразием. Изучение объема смыслового содержания зооморфических концептов приводит к обнаружению противоречий в иерархии оценочных значений, и выявляет особенности национально-культурной картины мира. Анализ проводится на материале трех разнотипных языков.

Ключевые слова: культурный код, универсальный код, мировосприятие, дискриптивная номинация, аниморфологический, зооним, зооморфизм, зоометафора, система символов

ZOOMORPHISMS AS A MEAN OF REPRESENTATION OF THE FACTS OF CULTURE IN THE PROCESS OF SECONDARY CONCEPTUALIZATION

Guketlova F.N.

Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, e-mail: bsk@kbsu.ru

The paper touches upon the nation-related specificity of choosing expressive means as a special kind of the nominative strategy for verbalization of human characteristic features, ethnospecific prejudices consolidated by zoomorphic fund of the language. The paper puts questions related to national specificity of a choice of figurative means – the person in animal morphological units, containing a bright, characteristic and easy reinterpreted significant attribute of the animal behaviour. A zoomorphic code of the culture, allowing us to reveal a system of symbols and standards of national culture, finding reflection in idioms and in paroimia fund of language, reveals specificity of world perception of native speakers and culture. Zoomorphism, receiving a charge of emotion and figurativeness, become widely used in different areas of the communication. However zoomorphic codes, aspiring to preservation of universal features, differ in a national originality. The analysis is based on the material of zoomorphisms in the three languages of different structures.

Keywords: Cultural code, universal code, world perception, a descriptive nomination, ani-mor-phological, zoonym, zoomorphism, zoometaphor, system of symbols

Настоящая статья является продолжением ряда авторских публикаций, направленных на изучение зооморфизмов в разнотипных языках.

Семантика значительной части сравнительных оборотов с названиями животных, птиц и насекомых группируется в понятийные классы, в центре которых находится внешняя деятельность человека: его поведение, поступки, отношения в обществе, его коммуникативные способности, физические возможности и физическое состояние.

В зеркале зооморфных метафор и сравнений отражается духовная сфера: человек и его нравственная сущность, волевые, эмоциональные, интеллектуальные действия и состояния, черты характера, отношение к другим людям, к себе, к вещам [6].

Одни и те же зоонимы проявляются и воспринимаются различно в сопоставляемых языках. Анализ фактического материала показывает, что адекватная реакция реципиентов разных национальностей составляет 28–30 %.

Пересечение в области коннотации зоометафор в разных языках свидетельствует о частичной общности образного фонда сравниваемых культур, а также об определенной содержательной константе сопоставляемых языков.

Различие в области коннотации зоометафор свидетельствует о различии путей, по которым развивались сравниваемые культуры. Специфический набор признаков, отражающих образное переосмысление лексики, называющей живые существа, в каждом языке своеобразен [1].

Непересечение коннотативной системы зоометафор в сопоставляемых языках является следствием несхожести экстралингвистических факторов – истории, культуры, сознания, подсознания, религий, географии, что подтверждает независимое развитие каждой из сравниваемых лингвокультур.

В пределах зоонимных фондов сопоставляемых языков отрицательная оценка в структуре значения зооморфизмов преобладает, что связано с функциональными особенностями зоонимной лексики.

Ассоциативно-вербальная сеть в семантической парадигме зоонимов в разнотипных языках обнаруживает значительное количество признаков различия, определяя идиоэтнические конфигурации сравниваемых ассоциативных полей.

Зооморфизмы интересуют нас как многомерное явление, способное покрывать участки объективной действительности, связанные с характеристикой социальных и психологических особенностей человеческой личности.

В силу присущей людям привычки разделять животных человеческими качествами («хитрая лиса», «трусливый заяц», «упрямый осёл», «мокрая курица», «куриная память» и т.п.), мы рассмотрели 103 названия животных с целью найти ответ на вопрос, какова ассоциативно-символическая связь поведения того или иного животного с определенными чертами характера, особенностями поведения человека в сознании француза, кабардинца, русского [4].

Отбор языкового материала обусловлен частотой употребления зоонимов и зооморфизмов в составе тех или иных фразеологических единиц, а также анимализмов, включенных в единицы паремиологического фонда исследуемых языков, что, на наш взгляд, отражает соотношение концептуальной и языковой картин мира и проявляет специфику социокультурных и природных особенностей жизни каждого отдельно взятого речевого коллектива [2].

Языковой материал, собранный методом сплошной выборки, показывает: домашнее животное, живущее бок о бок, а порой и под одной крышей с человеком, встречается в речи наиболее часто. Так, зоолексема *chien* (фр.) – хъз (каб.-черк.) – *собака* (рус.) занимает первое место в сопоставляемых трёх лингвокультурных сообществах по количеству идиом во французском, кабардино-черкесском и русском языках. В собранном материале *chien* (фр.) – 179; хъз (каб.-черк.) – 169; *собака* (рус.) – 179. На втором месте *cheval* (фр.) – 133; шы (каб.-черк.) – 147; *лошадь* (рус.) – 137. На этом совпадение по частотности использования

зоонимов заканчивается и складывается следующая картина:

Французский язык: *chien* (собака) – 179; *cheval* (лошадь) – 133; *chat* (кошка) – 84; *vache* (корова) – 56; *bête* (животное) – 71; *âne* (осёл) – 49; *oiseau* (птица) – 69; *loup* (волк) – 53; *lièvre / lapin* (заяц / кролик) – 53; *poule* (курица) – 46; *renard* (лиса) – 40; *poisson* (рыба) – 40; *cochon* (свинья) – 37; *boeuf* (вол) – 32; *lion* (лев) – 28; *merle* (дрозд) – 28; *oie* (гусь) – 26; *singe* (обезьяна) – 25; *coq* (петух) – 24; *canard* (утка) – 19; *hirondelle* (ласточка) – 14; *corbeau* (ворон) – 14; *carpe* (капр) – 13; *moineau* (воробей) – 12; *crapaud* (жаба) – 12; *alouette* (жаворонок) – 11; *anguille* (угорь) – 11; *pie* (сорока) – 11; *hereng* (сельдь) – 10; *aigle* (орёл) – 10; *cerf* (олень) – 7; *perdrix* (куропатка) – 5; *géline* (рябчик) – 4 и т.п.

Кабардино-черкесский язык: хъз (собака) – 169; шы (лошадь) – 147; вы / гуу (вол / бык) – 55; мэл / тIы (овца / баран) – 50; бзу (птица) – 49; джэд (курица) – 40; жэм (корова) – 36; джэду (кошка) – 29; дыгъужь (волк) – 27; бадзэ (муха) – 23; кхъуэ (свинья) – 23; бажэ (лиса) – 21; дзыгъуэ (мышь) – 19; шыд (осёл) – 18; бжэн (коза) – 17; блэ (змея) – 17; бдзэжьей (рыба) – 12; адакэз (петух) – 12; бгъэ (орёл) – 11; къаз (гусь) – 10; бжъэ (пчела) – 10; аслъэн (лев) – 9; щыхъ (олень) – 9; хыв (буйвол) – 8; мышцэ (медведь) – 7; бабыщ (утка) – 6; хъэкIэхъуэ (зверь / зверьё) – 6; тхъэкIумэкIыхъ (заяц / кролик) – 5; мацIэ (саранча) – 5; хъэндъркъуакъуэ (лягушка) – 5; жьынду (сова) – 5; бэддж (паук) – 3 и т.п.

Русский язык: собака – 179; конь / лошадь – 137; осёл / мул – 101; кот / кошка – 84; корова / телёнок – 58; волк – 56; птица – 54; муха – 53; медведь – 47; бык – 46; курица – 46; рыба – 45; мышь – 40; свинья – 39; змея – 38; ворона – 38; заяц – 36; коза / козёл – 36; воробей – 29; лиса – 27; гусь – 26; петух – 24; овца – 24; белка – 23; комар – 22; кукушка – 21; голубь – 17; индюк – 14; павлин – 12; лев – 11 и т.п.

Носители кабардино-черкесского, французского и русского языков будут понимать языковые единицы, используемые в этих языках, в той мере, в какой образы их сознаний пересекаются (обладают общностью); несовпадения этих образов и будут служить причиной неизбежного непонимания при межкультурном общении.

Сопоставление зоонимов основывалось на образах сознания своего этноса (кабардино-черкесский язык) и на образах сознания другого этноса (других этносов – французского и русского). Соответственно, в работе предложены способы сопоставительного описания и особенности транспозиции

образов сознания из одной национальной культуры в другую, а также специфика образности зоонимов в трёх разнотипных языках.

Сравнение как национально-специфическое видение мира, как ассоциативное расчленение и соединение целостных картин мира до отдельных признаков и свойств в сознании людей различных культур и языков, – способ познания мира и закрепление этих результатов в языке и культуре [3]. При изучении зоонимной лексики сопоставляемых языков обращают на себя внимание устойчивые сравнительные обороты – компаративные фразеологические единицы, имеющие показатели сравнения: *comme* (фр.) – хуэдэу (каб.-черк.) – как (рус.). Как показывает анализ фактического материала, сравнительные обороты с названием животных имеют большой удельный вес в сравниваемых языках и обладают высокой частотностью употребления, особенно в разговорной речи. Так, например, оценочное значение свойства человека «действовать медленно» в сопоставляемых культурах в целом совпадает. *Avancer comme escargot* (букв.: продвигаться как улитка); *avancer comme une tortue* (букв.: продвигаться как черепаха) – для франкоязычной культуры это значит «очень медленно». В русскоязычной культуре оценка «медленности» не обнаруживает противоречий с французской в смысловом содержании образов «черепаха», «улитка» и совпадает в полном объёме в иерархии ценностей: «ползти как черепаха», «ползти как улитка» – идти, передвигаться, действовать очень медленно. В кабардино-черкесском языке мы обнаруживаем совпадение: шыльэгэ чоум (чыщэ) хэгъэщын (букв.: ползти как черепаха через чашобу). «Черепаха» – эталон, в чём образно измеряется «медлительность» во всех трёх сопоставляемых культурах, а «чаша», «заросли» в кабардино-черкесском языке усиливают оценочную направленность «преодолением» ещё и препятствий «медлительным» человеком, акцентируя таким образом отрицательное оценочное значение. Критерии оценок, связанные с национально-культурной ценностной картиной мира, часто нуждаются в конкретизации. Её отсутствие провоцирует неразграничение частнооценочных значений и затрудняет понимание содержательного объёма языковых образных средств.

Систематизация зоометафор в сравнительных конструкциях с союзом *comme* (фр.) – хуэдэу (каб.-черк.) – как (рус.) позволяет глубже понять и сопоставить социальные нормы поведения и системы ценностей, зафиксированные в трёх сравниваемых

лингвокультурных сообществах. Такой подход к описанию зоонимной лексики продиктован не столько теоретическими нуждами, сколько практическими.

Среди регулярных, продуктивных и частотных единиц языка, как известно, большое распространение получили устойчивые сравнительные обороты, о распространённости и некоторой универсальности которых свидетельствует тот факт, что во всех языках они активно используются в качестве образной характеристики человека, обладают высоким коннотативным потенциалом [5]. При познании окружающей действительности человек оперирует методами сравнения, занимается поисками эталона.

Стойкий интерес к такого рода сравнительным оборотам с названием животных со стороны представителей разного рода парадигм и методов исследования, вероятно, во многом продиктован тем, что эти единицы, несмотря на свою одинаковость с точки зрения формы, демонстрируют собой сочетание с разной степенью связанности и семантической цельности и способны иллюстрировать богатый набор качеств и признаков, приписываемых человеком животному на основе опыта наблюдений за его поведением, повадками, реакциями, внешним видом и т.д. Несмотря на то что эти сочетания слов крайне прозрачны с точки зрения структуры, их образное содержание способно дать ключ к разгадке национального сознания через специфику выбора того или иного образного средства, в котором отражается оценка определённых типов и эталонов человеческого поведения.

В основу ассоциативных связей между поведением человека и животного легли наблюдения людей, осмысливающие различные способы действия, подчёркивающие поведение, поступки человека и их отношения. Союз как в процессе общения актуализирует информацию о действительности. Выражение онтологических знаний исходной единицы реализуется в истинности как сравнение (в данном случае – сравнение с животным). Опираясь на общеизвестность некоего признака, выстраиваются отношения между объектом и средством сравнения. Однако не всегда понятно, на каких отношениях строится образное сравнение зоонима – на отношениях уподобления или на отношениях приравнивания. Главная трудность сравнительного подхода к проблеме метафоры состоит в том, что само подобие или сравнение часто может быть определено только на основе коннотаций, возбуждаемых в лексическом значении в определённом окружении. Структурной моделью зооморфных

сравнительных оборотов, передающих способ действия, во всех трех языках является модель *verbum + comme* (фр.) – хуэдэу (каб.-черк.) – как (рус.) + *substantiv*.

Значение «носиться как безумный» передается с помощью идиом, включающих различные зоонимы:

фр.: *aller (courir) comme un chat maigre* (букв.: идти (бежать) как тощий кот); каб.-черк.: шык/эм маф/э егъэуауэ (букв.: как лошадь с подпалённым хвостом); рус.: носиться как угорелая кошка.

Значение «нелепый вид» передается с помощью идиом, также включающих различные зоонимы:

фр.: *aller comme un pardessus à un canard* (букв.: идёт как плащ утке), *aller comme un tablier à une vache* (букв.: идёт как фартук корове); каб.-черк.: танэ бгырыпх щ/эпхэ хуэдэу (букв.: как телёнок, подпоясанный ремнём), вым уанэ тель хуэдэу (букв.: как седло на быке); рус.: как корове седло, как собаке ермолка.

Анализ сравнительных конструкций, передающих способ действия, показывает, что в сопоставляемых языковых картинах мира содержатся одинаковые знания об одних и тех же сторонах действительности. Это проявляется в существовании межъязыковых параллельных структурно-семантических эквивалентов, совпадающих по всем компонентам, таких, как *s'entendre (vivre, s'accorder, être) comme un chien et un chat* (фр.) – хъэмрэ джэдумрэ хуэдэщ (каб.-черк.) – ладить, (жить, быть) как кошка с собакой (рус.); *nager comme poisson* (фр.) – бдзэжьейм хуэдэу псым есын (каб.-черк.) – плавать как рыба (рус.); *tomber comme des mouches* (фр.) – бадзэм хуэдэу зэтол/э (каб.-черк.) – мрут как мухи (рус.); *travailler comme un boeuf* (фр.) – вым хуэдэу лажьэн (каб.-черк.) – работать как вол (рус.). Такие совпадения сравнительных оборотов обусловлены, очевидно, сходством восприятия и переосмысления действительности французами, кабардинцами и русскими.

Сходство в видении мира может быть обнаружено на более обобщённо-глубинном уровне семантики при неполном совпадении плана выражения сравнительной конструкции, передающей способ действия. При этом межъязыковые структурно-семантические эквиваленты сравнительных конструкций при общей сходности значений допускают лексические, семантические различия, различия во внутренней форме:

– *bavarder (babiller, jaser, jacasser) comme un merle* (фр.) (букв.: болтать (трещать) как дрозд); къанжэм хуэдэу мэк/ак/э (каб.-черк.) (букв.: стрекошет как сорока); трещать как сорока (рус.);

– *vivre comme un ours* (фр.) (букв.: жить как медведь); дыгъэмыхъуэ дыгъужь (каб.-черк.) (букв.: волк, обитающий на теневой стороне); жить бирюком (рус.);

– *vivre comme une taupe* (фр.) (букв.: жить как крот); щ/ы/уб нэфым хуэдэу щ/эсын (каб.-черк.) (букв.: сидеть у себя как слепой крот); жить бирюком (рус.);

– *manger comme un boeuf* (фр.) (букв.: есть как вол); мац/эм хуэдэу шхэн (каб.-черк.) (букв.: есть как саранча); есть как волк (рус.).

Как показывает анализ, лексические различия не нарушают семантической эквивалентности сравнительных оборотов.

Приведенный материал свидетельствует о различной концептуализации мира и выявляет национально-специфическое видение мира.

Список литературы

1. Будагов Р.А. Язык – реальность – язык. – М.: Наука, 1983. – 262 с.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. – М.: Русский язык 1990. – 248 с.
3. Гак В.Г. Теория языковых преобразований. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 768 с.
4. Гукетлова Ф.Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира. – М.: Тезаурус, 2009. – 227 с.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты дискурс. – Волгоград: Переменам, 2002. – 447 с.